

Как изучать Ливонскую войну? (историографические заметки)

Александр Филюшкин

How to study the Livonian war: historiographical notes
Alexander Filyushkin (Saint-Petersburg State University, Russia)

Пересмотр устоявшихся точек зрения в историографии происходит по двум схемам. Первая – появляется новая фундаментальная работа, переворачивающая существующий взгляд на предмет. Вторая – выходит большое количество локальных работ, которые одна за другой пересматривают и развенчивают разные аспекты существующей концепции. Постепенно накапливается критическая масса таких книг и статей, и новый фундаментальный труд, предлагающий обновлённую концепцию предмета исследования, выходит уже как обобщение, сумма отдельных пересмотров и обновлений. На мой взгляд, сегодня вторая модель реализуется в отношении историографической концепции Ливонской войны (1558–1583). Ещё нет новой фундаментальной монографии, которая продемонстрировала бы существенную эволюцию взглядов учёных на этот конфликт. Но в последние годы вышло много книг и статей, в которых пересмотрены различные локальные аспекты этой концепции, и накопление «критической массы» налицо.

Прежде всего необходимо внести ясность в вопрос о том, о какой «канонической» концепции идёт речь. Ко второй половине XX в. в историографии сложились как минимум четыре подхода к изучению Ливонской войны, которые во многом пересекались, но имели свои особенности. Первый – российская имперская, и позже советская историография, которые, собственно, и создали наиболее оформленный взгляд на Ливонскую войну. «Изобретением» этой войны мы обязаны кн. М.М. Щербатову и Н.М. Карамзину. Они объединили разрозненные сведения источников в повествование о единой 25-летней войне, длившейся с 1558 по 1583 г., которая, с их точки зрения, велась с одной целью – дать России выход к Балтийскому морю¹. До Щербатова и Карамзина речи о Ливонской войне не велось, поскольку в русских источниках повествуется лишь об отдельных боях и походах в прибалтийские земли, которые начались в 1555 г. с конфликта России и Швеции и закончились в 1595 г. Тявзинским миром между этими странами. Но поскольку при Карамзине гораздо более актуальным врагом Российской империи была Речь Посполитая, то он и сделал

© 2015 г. А.И. Филюшкин

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-21-01003 а(м).

¹ О Н.М. Карамзине как создателе концепции Ливонской войны в виде имперского проекта завоевания Иваном Грозным Балтики подробнее см.: *Филюшкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 251–254.*

её главным противником России и завершил повествование об основных боевых действиях Ям-Запольским перемирием 1582 г., вынеся более длительное противостояние со Швецией, закончившееся в 1595 г., за скобки основного конфликта.

Благодаря этой оценке балтийской политики Ивана Грозного в российской историографии произошла параллелизация Ивана Грозного и Петра I². Борьба за Ливонию стала рассматриваться как неудачная попытка предвосхитить великие деяния первого российского императора. В историческом контексте присоединения прибалтийских республик в 1939–1940 гг. и схватки за Балтику с Германией в годы Великой Отечественной войны такой подход приобретал актуальность и злободневность. Он был идеологически оформлен, концепция войны сформулирована и приобрела характер некоего канона и поэтому историографического развития не получила. Единственной монографией, целиком посвящённой Ливонской войне, почти на 60 лет так и осталась вышедшая в 1954 г. книга В.Д. Королюка³. Помимо откровенно пропагандистских работ⁴, в СССР история этой войны рассматривалась только в общих трудах по истории правления Ивана Грозного, в контексте остальных событий⁵. В них не произошло пересмотра схемы, восходящей к Карамзину.

Второе историографическое направление нашло своё выражение в трудах прибалтийских немецких историков XIX – начала XX в.⁶ Внимание остзейских учёных привлекала в основном история Ливонии до Ливонской войны; работ, связанных с этой войной, в рамках данного направления вышло немного⁷. Но они осуществили публикацию больших массивов источников, в том числе по второй половине XVI в. Здесь следует отметить 11-томную публикацию профессора Дерптского университета К. Ширрена «Источники по истории потери независимости ливляндцев»⁸ и пятитомную публикацию уроженца Курляндии, профессора Фрейбургского университета в Бадене Фридриха Бинемана⁹. Много

² Панченко А.М., Успенский Б.А. Иван Грозный и Пётр Великий: концепции первого монарха // Труды Отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Т. 37. Л., 1983. С. 54–77.

³ Королюк В.Д. Ливонская война: Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. М., 1954.

⁴ Бахрушин С.В. Разгром Ливонского Ордена в Прибалтике (XVI век). Ташкент, 1942.

⁵ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. Л., 1966; *он же*. Опричный террор. Л., 1969; Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978; Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982; Зимин А.А. В канун грозных потрясений. Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986.

⁶ Recke J., Napiersky K. Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten Lexicon der Provinzen Livland, Estland und Kurland. Bd. 1–4. Mitau, 1827–1832; Seraphim E. Allgemeine Staatengeschichte. Abt. 3. Deutsche Landesgeschichten. Werk 7. Geschichte von Livland. Bd. 1. Das livländische Mittelalter und die Zeit der Reformation. Gotha, 1906; Arbuzov L. Grundriss der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. Riga, 1908.

⁷ Например: Busse K. Die Einnahme der Stadt Dorpat im Jahre 1558 und die damit verbundenen Ereignisse. Vier geschichtliche Urkunden // Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. 1840. Bd. 1. S. 450–522; *idem*. Die Übergabe Narva's im Mai 1558 nach Wulf Singehoff, mit Anmerkungen und einem Vorworte // Ibid. 1860. Bd. 9. S. 42–63; Sommerfeldt G.Dr. Tideman Gises Berichte über die Kriegsvorgänge der Jahre 1579–1582 in Polen und Livland // Ibid. 1910. Bd. 20. S. 479–529.

⁸ Schirren C. Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Curlands. Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Aus dem schwedischen Reichsarchive zu Stockholm. Bd. 1–11. Reval, 1861–1885.

⁹ Bienemann F. Briefe und Urkunden zur Oeschichte Livlands in der Jahren 1558–1562. T. 1–5. Riga, 1865.

источников по истории войны было опубликовано членами Рижского общества истории и древностей Остзейских губерний Ф. Бунге, К. Паукером, К. Напьерским и другими в двух сериях: «*Monumenta Livoniae Antiqua*»¹⁰ и «*Scriptores Rerum Livonicarum*»¹¹. К сожалению, до сих пор источники, опубликованные остзейскими учёными, в недостаточной степени используются при написании научных трудов.

Оформленной концепции Ливонской войны К. Ширрен и его коллеги не создали. Они видели в ней крушение немецкого мира в Прибалтике, выражаясь современным языком – геополитическую и культурную катастрофу. Их заслугой было помещение войны в общеевропейский контекст. Концептуально близки к трудам остзейцев работы петербургского историка Г.В. Форстена¹², который в своих исследованиях по истории борьбы за Балтику в XVI–XVII вв. представил широкую панораму международных отношений этого периода.

Третьим направлением можно считать польскую историографию XIX – первой половины XX в. Она отличалась полоноцентричностью и воспеванием успехов польского оружия. В центре внимания польских историков были успешный захват Ливонии¹³, борьба Польши за выход к Балтийскому морю¹⁴, победоносная «Московская война» Стефана Батория и 1579–1582 гг.¹⁵ Направленность работ в значительной степени отвечала задачам, стоящим перед национальной польской историографией: возвеличивание славного прошлого польского народа, формирование национальной идентичности поляков как «народа героев». Поскольку Россия смотрелась вековым противником Польши (особенно в контексте польских восстаний 1830 и 1863 гг. и советско-польской войны 1920 г.), то поиск в истории сюжетов, когда поляки побеждали русских, всячески приветствовался. Несмотря на такой идеологический подтекст, данные работы представляют немалую научную ценность. Их авторы ввели в оборот много новых источников. Без учёта данной историографии невозможно изучение «Московской войны» Стефана Батория.

¹⁰ *Monumenta Livoniae antiquae: Sammlung von Chroniken, Berichten, Urkunden und andern schriftlichen Denkmalen und Aufsätzen, welche zur Erläuterung der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands dienen.* Т. 1–5. Riga; Dorpat; Leipzig, 1835–1847.

¹¹ *Scriptores rerum Livonicarum.* Т. 1–2. Riga; Leipzig, 1848–1853.

¹² *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. I: Борьба из-за Ливонии // Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Ч. 33. СПб., 1893.

¹³ *Romanowski J.* Wojna Zygmunta Augusta z Zakonem Inflantskim roku 1557 // *Rocznik Towarzystwa Przyaciół Nauk Poznańskiego.* 1860. N. I. S. 329–400; *Karwowski S.* Wcielenie Inflant do Litwy i Poski. 1558–1561. Poznań, 1873; *Natanson Leski J.* Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Cz. I: Granica moskiewska w epoce jagiellońskiej. Lwów; Warszawa, 1922.

¹⁴ *Bodniak S.* Polska a Bałtyk za ostatniego Jagiellona. Kórnik, 1947; *Lepszy K.* Dzieje Floty Polskiej. Gdańsk; Bydgoszcz; Szczecin, 1947.

¹⁵ *Górski K.* Pierwsza wojna Rzeczypospolitej z Wielkim Księstwem Moskiewskim za Batoroego // *Biblioteka Warszawska.* Т. 2. Warszawa, 1892. S. 93–117; *idem.* Druga wojna Rzeczypospolitej z Wielkim Księstwem Moskiewskim za Batoroego // *Biblioteka Warszawska.* Т. 3. Warszawa, 1892. S. 1–26; *idem.* Trzecia wojna Rzeczypospolitej z Wielkim Księstwem Moskiewskim za Batoroego // *Biblioteka Warszawska.* Т. 4. Warszawa, 1892. S. 228–258; *Niedzielski K.* Batory i car Iwan w zapasach o Inflanty: (1579–1581). Warszawa, 1916; *Szelągowski A.* Walka o Bałtyk. Lwów; Poznań, 1921; *Koc L.* Szlakiem Batoroego: (Wojna Moskiewska 1577–1582). Wilno, 1926; *Natanson Leski J.* Epoka Stefana Batoroego w dziejach granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1930; *Laskowski O.* Les campagnes de Batory contre la Moscovie // *Etienne Batory, roi de Pologne, prince de Transylvanie.* Cracovie, 1935. S. 1–29. Здесь же можно назвать книгу российского профессора польского происхождения: *Новодворский В.В.* Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой (1570–1582): Историко-критическое исследование. СПб., 1904.

Четвёртое направление представлено разрозненными работами второй половины XX в., в основном немецкоязычными, которые и дали главный толчок к сегодняшнему пересмотру концепции Ливонской войны. Если монография историка из ГДР Э. Доннерта была написана ещё в традиционном ключе¹⁶, то книги и статьи Э. Тиберга, Н. Ангерманна, К. Расмуссена, основанные на введении в оборот огромного количества нового материала и переосмыслении старого, дали совершенно новую картину причин конфликта и первых лет войны¹⁷. Н. Ангерманном была поставлена и раскрыта проблема «Русской Ливонии» периода подчинения ливонских земель власти Москвы в 1558–1582 гг. К сожалению, многие очень ценные выводы и наблюдения (например, постановка под сомнение Э. Тибергом тезиса о Ливонской войне как войне за выход к Балтийскому морю) остались незамеченными и не получили развития ни в российской, ни в польской историографии.

Во второй половине XX в. вышли также англоязычные работы, ставшие шагом вперёд в освещении истории Ливонской войны. В. Кирхнер проанализировал широкий контекст международных отношений этого периода¹⁸. В. Урбан затрагивал историю войны в своих работах по изучению Немецкого ордена¹⁹. Наконец, экономический аспект войны рассматривался в книге шведского историка С. Свенссона²⁰. Все эти усилия историков подготавливали почву для инициирования процесса пересмотра существующей концепции Ливонской войны. Но настоящий прорыв в этом вопросе произошёл в последние два десятилетия. В научный оборот были введены новые источники. Сегодня о Ливонской войне известно существенно больше, чем во времена создания устоявшейся в отечественной историографии концепции. Очевидно, что устарела периодизация Ливонской войны. Долгое время считалось, что это 25-летний конфликт, начавшийся в 1558 г. и закончившийся в 1583 г. Традиционно войну разделяли на этапы: 1558–1562, 1562–1572, 1572–1576, 1577–1583 гг. Однако данная периодизация не учитывает, что ливонский конфликт, собственно, начался в 1556 г. «войной коадьюторов» и конфликтом Ордена с Коронай Польской. В августе 1557 г. король Сигизмунд II Август даже подготовил грамоту об объявлении войны Ливонии²¹.

Перераста ливонско-польскому конфликту в полномасштабную войну не позволила капитуляция Ордена на условиях Позвольского мира, заключённого в сентябре 1557 г.; всего через три месяца после его подписания последовало русское вторжение в Прибалтику. Без анализа событий 1556–1557 гг. невозможно понять причины Ливонской войны и объяснить вмешательство в неё Польши, Литвы, Священной Римской империи германской нации. Если считать началом войны январь 1558 г., то Россия выглядит главным агрессором и

¹⁶ *Donnert E.* Der Livländische Ordenstritterstaat und Russland. Der Livländische Krieg und die baltische Frage in der europäischen Politik 1558–1583. Berlin, 1963.

¹⁷ *Tiberg E.* Die politik Moskaus gegenüber Alt-Livland: 1550–1558 // *Zeitschrift für Ostforschung*. T. 25. 1976. S. 577–617; *idem.* Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges: Die Beziehungen zwischen Moskau und Litauen 1549–1562. Uppsala, 1984; *Angermann N.* Studien zur Livländpolitik Ivan Groznoj's. Marburg, 1972; *Rasmusen K.* Die livländische Krise 1554–1561. Copenhagen, 1973.

¹⁸ *Kirchner W.* The rise of the Baltic question. Network, 1954.

¹⁹ *Urban W.* The Livonian Crusade. Washington, 1981.

²⁰ *Svensson S.* Den merkantia bakgrunden till Rysslands antal Livländska Ordensstater. Lund, 1951.

²¹ *Понов В.Е., Флюшюкин А.И.* Как начиналась Ливонская война: Грамоты об объявлении войны Ливонскому ордену в 1557 г. // *Единогор: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и раннего Нового времени*. Вып. 2. М., 2011. С. 192–201.

инициатором процесса раздела Прибалтики, а Польша – защитником притесняемых ливонцев. Если же обратиться к чуть более ранней истории конфликта, то картина меняется. Ливония стала жертвой геополитических appetites нескольких соседних стран: Польши, Литвы, России, Швеции, Дании. Такой взгляд на события разворачивает перед исследователями гораздо более объективную картину, показывает Ливонскую войну как европейский конфликт, составную часть знаменитого «столетия войн» (1550–1648).

Если исходить из принципа, согласно которому война заканчивается подписанием мира, устанавливающего послевоенный порядок, то окончанием Ливонской войны никак не может считаться Плюсское перемирие 1583 г. Оно ничего не решало в плане послевоенного обустройства Прибалтики, а только приостанавливало боевые действия на три года (в 1586 г. оно было продлено ещё на 4 года). Шведские захваты Яма, Копорья, Ивангорода никак в тексте договоров не фиксировались. Реальный раздел Прибалтики состоялся только по Тявзинскому миру 1595 г., после вооружённого конфликта 1589–1590 гг. (напомню, что царь Фёдор Иванович сохранял титул «Ливонский», т.е. Россия в 1580–1590-х гг. вовсе не считала тему борьбы за Ливонию закрытой). В Плюссе в 1583 г. было заключено перемирие, но не мир, и для современников война не окончилась; её в том году искусственно «закончили» историки XIX в.

В историографии последних лет всё чаще предлагаются иные хронологические рамки конфликта, условно именуемого «Ливонской войной». В 2007 г. А.Н. Янушкевич предложил говорить о двух войнах: 1558–1570 и 1577–1583 гг.²² Отдельно необходимо отметить взгляды исследователей, которые вместо термина «Ливонская война» предлагают называть эти конфликты «Балтийскими» или «Северными» войнами. М. Лайдре расширил рамки войны до 1558–1661 гг., вписав её в известную концепцию европейского «столетия войн»²³. Он выделяет три этапа: первый – русско-ливонский (1558–1562), второй – Северная Семилетняя война с главной ролью Швеции и Дании (1563–1570), третий – русский этап (1570–1595)²⁴. Дальнейшие этапы (вплоть до седьмого) связаны с европейскими войнами, прежде всего шведскими. Английский историк Р. Фрост предложил концепцию трёх Северных войн: 1558–1619 гг., при доминировании Польши; 1654–1678 гг., при доминировании Швеции; 1700–1721 гг. – окончательная победа и утверждение в Прибалтике России²⁵.

На мой взгляд, правильнее было бы говорить о комплексе, серии Балтийских войн второй половины XVI в., которые в поздней историографии условно объединялись в единую Ливонскую войну 1558–1583 гг. К войнам, традиционно «вписываемым» в эту войну²⁶, следует добавить русско-шведскую войну 1556–1557 гг., «войну коадьюторов» 1556–1557 гг., русско-шведскую войну

²² Янушкевич А.М. Вялікае княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг. Мінск, 2007.

²³ Laidre M. Saja-aastane sõda (1558–1660/61) Eestis ja rahvastiku suurus 16–18. Sajandil // Akadeemia. Vol. 12. 2000. Lk. 931–956; *idem*. Der Hundertjährige Krieg (1558–1660/61) in Estland // Forschungen zur baltischen Geschichte. 2006. Vol. 1. S. 68–81.

²⁴ Laidre M. Der Hundertjährige Krieg...

²⁵ Frost R. The Northern Wars: War, State and Northeastern Europe: 1558–1721. Edinburg, 2000. P. 4–101.

²⁶ Это собственно Ливонская война 1558–1561 г. с участием Ливонии, России, Великого княжества Литовского, Швеции и Дании, закончившаяся разделом Ордена между Россией, Швецией, Данией и Великим княжеством Литовским; русско-литовская война 1561–1570 гг., датско-шведская война 1563–1570 гг., «Московская» («Баториева») война 1578–1582 гг. и русско-шведская война 1578–1583 гг.

1589–1590 гг., закончившуюся Тязвинским миром между Россией и Швецией 1595 г. Этим договором раздел побережья Балтийского моря мог бы быть завершён на многие годы, однако вторжение в Россию в годы Смуты войск Речи Посполитой и Швеции, Столбовский мир 1617 г. и Деулинское перемирие 1618 г. по-новому перекроили границы восточноевропейских государств, в том числе и в прибалтийском регионе²⁷.

Хотя за Ливонской войной прочно закрепилась репутация войны за Балтику, сегодня всё чаще раздаются голоса, что далеко не все страны видели целью войны именно выход к морю. Главенство идеи «*Dominium Marius Baltici*» несомненно для Швеции и Дании²⁸ и вовсе неочевидно для России, Великого княжества Литовского и Королевства Польского. Для этих стран на первом месте стояла борьба за земли, но не за морские просторы. Тем более что и Россия, и Польша имели выход к морю и до войны – Россия владела побережьем Финского залива от устья Наровы до устья Невы, а Польша вышла к Балтике благодаря победам над Тевтонским орденом в XV в. и фактическому присоединению Пруссии в 1525 г. Несмотря на отдельные попытки организации военно-морских действий, Ливонская война так и не стала «войной на море» ни для России, ни для Польши с Литвой²⁹. Роль «морского фактора» сильно преувеличена как потомками – поздними историками, так и современниками – более развитыми в морском плане европейцами XVI в., которые приписывали русской стороне намерения, которых у неё не было³⁰.

В последние годы делаются попытки вписать Ливонскую войну в новые теоретические исторические и политологические схемы. Здесь наиболее интересной выглядит мысль М.Б. Бессудновой о том, что в XIV–XV вв. юго-восточный Балтийский регион оформился как «мир-экономика» (в терминологии Ф. Броделя) в виде треугольника: Ливония – Великий Новгород – Псков³¹. В отношениях начала превалировать экономическая составляющая. Военные конфликты (которые, впрочем, случались довольно часто) носили локальный характер и их целью было добиться более выгодных условий для торговли и заключения взаимоприемлемого мира. Никогда ни Псков, ни Новгород, ни Ливония не ставили своей задачей уничтожение противника как государства или аннексию значительной части его территории. Мелкие пограничные споры держали стороны в военном и политическом тоне, но никогда не переходили разумных границ. Ситуация изменилась в конце XV в. Присоединение Россией Великого Новгорода в 1471–1478 гг. разрушило одну из сторон треугольного «мира-экономики». Состав русских купцов, торговавших с Ливонией, изме-

²⁷ *Filjushkin A.* Ivan the Terrible: A Military History. L., 2008; *Филлошкин А.И.* Ливонская война или балтийские войны? К вопросу о периодизации Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в.: Сборник научных статей. М., 2010. С. 80–94.

²⁸ *Smirnov A.* Det Forsta Stora Kriget. Stockholm, 2009.

²⁹ *Мавродин В.В.* Русское мореходство на Балтийском море в XIII–XVI вв. // Учёные записки Ленинградского государственного университета. № 205. Серия исторических наук. Вып. 24. Л., 1956. С. 167–178; *Baron S.* Shipbuilding and Seafaring in Sixteenth Century Russia // *Baron S.* Explorations in Moscovite History. Norfolk, 1991. P. 102–129; *Salemke G.* Das Königliche Schiff. Die polnische Galeone erreichte nie das Meer // *Westpreußen-Jahrbuch.* 2000. Bd. 50. S. 79–88.

³⁰ *Филлошкин А.И.* Дискурсы Ливонской войны // *Ab Imperio: Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве.* 2001. № 4. С. 43–80; *idem.* Der Diskurs von der Notwendigkeit des Durchbruchs zur Ostsee in der russischen Geschichte und Historiographie // *Narva und die Ostseeregion.* Narva, 2004. S. 171–184.

³¹ *Бессуднова М.Б.* Великий Новгород в конце XV – начале XVI в. по ливонским источникам. Великий Новгород, 2009. С. 10–55; *она же.* Превратность судьбы (Великий Новгород в системе русско-ливонских отношений) // *Новгородский исторический сборник.* Вып. 13(23). 2013. С. 171–184.

нился даже физически: вместо высланных новгородцев на Северо-Запад Руси приехали москвичи. У них был совсем другой стиль ведения дел: агрессивный, напористый, силовой³². Причём теперь экономика с лёгкостью приносилась в жертву политике. Примером может служить внезапный разгон в Новгороде немецкого Ганзейского двора в 1494 г. По предположению ряда исследователей, это явилось мстью Ивана III за неудачи в дипломатических отношениях со Священной Римской империей³³. Сама империя вряд ли сильно ощутила разгром одного из многочисленных региональных ганзейских дворов, но для Ивана III это стало важным символическим жестом. С утратой независимости Пскова в 1509–1510 гг. и его присоединением к Московскому государству «мир-экономика» в Прибалтике окончательно перестал существовать. Оформилась принципиально новая геополитическая конфигурация. Возник «ливонский вопрос»³⁴, соседние страны стали строить планы раздела Ливонии как страны, «отжившей своё», не вписывающейся в новую геополитическую реальность.

Кроме всего вышесказанного в последние годы произошло серьёзное продвижение на пути изучения отдельных сюжетов истории Ливонской войны. Ряд исследований посвящён воздействию войны на социальную историю русского служилого дворянства. Большинство учёных склоняется к мысли о негативном влиянии войны на состояние знати, что проявлялось в саботаже военных действий, дезертирстве, эмиграции и т.д.³⁵

Определённое внимание в историографии уделялось русскому феодальному землевладению, а также польской и шведской политике в Ливонии, судьбам местного эстонского и латышского населения, результатам войны для ливонского социума, влиянию войны на политическую культуру стран-участниц, торговле на Балтике и т.д. Этот огромный материал (перечень статей и глав в книгах насчитывает несколько десятков наименований), по частным сюжетам пересматривающий многие локальные аспекты концепции Ливонской войны, в современных обобщающих трудах по XVI в. привлекается недостаточно. Назрела необходимость создания фундаментального труда по истории данного конфликта, в котором всё это было бы учтено.

Пожалуй, наиболее изучена на сегодняшний день идеологическая сторона Ливонской войны. Эта война была противостоянием идеологий, пропаганд и политических культур. Поскольку именно во второй половине XVI в. и именно

³² Описание новой политики и стиля поведения московских купцов в Новгороде см.: Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975. С. 195–197.

³³ Казакова Н.А. Ганзейская политика русского правительства в последние годы XV в. (Русско-ганзейские переговоры 1498 г.) // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сборник статей к 70-летию академика М.Н. Тихомирова. М., 1963. С. 150–157; Коваленко Г., Смирнов В. Легенды и загадки земли Новгородской. М., 2007. С. 134; Бессуднова М.Б. Петрову двору капут: закрытие ганзейской конторы в Новгороде // Родина. 2009. № 9. С. 43–46.

³⁴ Kirchner W. The rise of the Baltic question. Westport, 1970. P. 5–33.

³⁵ Ерусалимский К.Ю. Ливонская война и российские эмигранты в Речи Посполитой // Российская история. 2006. № 3. С. 71–89; Рыков Ю.Д. Церковно-государственные помянники русских воинов, погибших в начале Ливонской войны, по данным синодика Московского кремлевского Архангельского собора (предварительные наблюдения) // Балтийский вопрос... С. 161–206; Хорошкевич А.Л. «Заблудящие овцы»: Ливонская война и менталитет русского народа // Там же. С. 71–79; Селарт А. «Русские бояре» в Эстляндии (конец XVI – начало XVII в.) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2012. № 2. С. 3–14; Filyushkin A. The Livonian War and the Mentality of the Russian Nobles // Canadian-American Slavic Studies. 2013. Vol. 47. P. 420–435; *idem*. The Livonian War in the context of the 16th century East European wars // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2014. № 1. P. 47–64.

по её поводу Россия оказалась в фокусе внимания западных газет и «летучих листов», данному аспекту в историографии уделялось и уделяется немало внимания³⁶. С Ливонской войной, несомненно, связано появление феномена *иванианы* – комплекса западных сочинений о первом русском царе Иване Грозном (никто из русских правителей до него не удостоивался такого внимания европейских интеллектуалов). Хотя здесь всё-таки изучается не сама война, а рефлексия войны, образ «врага» и т.д.³⁷

Ливонская война в историографии зачастую является фоном, иллюстрацией и фактором анализа других событий и процессов, прежде всего внутренней истории стран-участниц конфликта. Из Ливонской войны выводят кризисы России – предопричный (А.Л. Хорошкевич) и социально-экономический 1580-х гг., приведший к введению крепостного права и в конечном итоге к Смуте³⁸. При этом не удалось найти в историографии сколько-нибудь серьёзных экономических выкладок, указывающих на связь кризиса именно с войной (кроме общих фраз про «разорение» и ссылок на кадастровые описания Псковской земли 1580-х гг., которые, конечно, рисуют разруху, но вполне обычную для территории, пережившей иностранную оккупацию и активные боевые действия). Между тем кризис могли вызвать (особенно в Новгородской земле) демографические и экономические последствия опричнины и т.д. Здесь необходимо углублённое исследование причинно-следственных связей в социально-экономической жизни России конца XVI в. Вместо него авторы часто ограничиваются ссылкой на эмоциональные оценки нарративных памятников или на стереотипные высказывания историографии.

Если говорить о новых, современных тенденциях в развитии исторической науки, то, на мой взгляд, положительную роль для изучения Ливонской войны сегодня играет развитие национальных историографий на постсоветском пространстве. И в Российской империи, и в СССР тема Ливонской войны оставалась периферийной. Недаром в Российской империи специально посвящена

³⁶ Kappeler A. Die Deutschen Flugschriften über die Moskowiter und Iwan den Schrecklichen im Rohmen der Russlandliteratur des 16 Jahrhunderts // Russen und Russland aus deutscher Sicht: 9–17: Jahrhundert. München, 1988. S. 150–182; *idem*. Ivan Grozny im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes. Frankfurt/M, 1972; *Mund S.* Orbis russiarum: Genèse et développement de la représentation du monde «russe» en Occident à la Renaissance. Genève, 2003; *Ott T.* «Livonia est propugnaculum Imperii». Eine Studie zur Schilderung und Wahrnehmung des Livländischen Krieges 1558–1582/83 nach den deutschen und lateinischen Flugschriften der Zeit. München, 1996; *Pražáková K.* Obraz livonské války v psaných novinách rožmberského zpravodajství // Člověk a sociální skupina ve společnosti raného novověku. České Budějovice, 2007. S. 13–32.

³⁷ *Linde M.* Tilman Brakel und der Livländische Krieg (1558–1582/83) // Die Wahrnehmung und Darstellung von Kriegen im Mittelalter und in der frühen Neuzeit. Wiesbaden, 2000. S. 237–253; *Bogatyrev S.* Battle for Divine Wisdom. The Rhetoric of Ivan IV's Campaign against Polotsk // The Military and Society in Russia, 1450–1917. Leiden; Boston; Köln; 2002. P. 325–345; *Sashalmi E.* The Image of the Enemy: Poles and Lithuanians in Russian Literary and Chancery Sources of the late 16th and early 17th Centuries // Specimina nova. Pars prima, Sectio mediaevalis: Dissertationes Historicae collectae per Cathedra Historiae Mediaevi Modernorumque Temporum Universitatis Quinqueecclesiensis. 2007. Vol. 4. P. 137–150; *Фреңнер Р.* Рецензия официального московского «образа войны» на периферии царства и его трансформация вследствие поражения в Ливонской войне (на материале повествовательных источников из Пскова конца XVI века) // Балтийский вопрос... С. 275–291; *Ерусалимский К.Ю.* Историческая память России и Речи Посполитой в годы Ливонской войны // Там же. С. 303–332; *Филошкин А.И.* Изобретая первую войну...

³⁸ *Хорошкевич А.Л.* Задачи русской внешней политики и реформы Ивана Грозного // Реформы и реформаторы в истории России. М., 1993. С. 25–36; *Аракчеев В.А.* Псковский край в XV–XVII веках: Общество и государство. СПб., 2003. С. 208–210; *Нефедов С.А., Даннинг Ч.* О социально-экономических предпосылках Смутного времени // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2011. № 1. С. 72–85.

Ливонской войне была только научно-популярная книга Н.И. Костомарова³⁹; монографию В.Д. Королюка объёмом в 109 страниц фундаментальным исследованием также назвать сложно.

Сегодня изучение Ливонской войны интенсивно идёт в тех странах, для которых она – часть национальной истории; там она играет свою роль в формировании исторической памяти и национальной идентичности. Это прежде всего Белоруссия, в меньшей степени – Эстония, Латвия и Литва. Сюда же надо отнести последние достижения польской историографии. В Украине эта тематика непопулярна⁴⁰.

В постсоветской Литве к теме Ливонской войны обращались в контексте истории развития литовской внешней политики XVI в. В силу этого особое внимание уделяется дипломатическим и международно-правовым отношениям в Балтийском регионе (работы Э. Баниониса, А. Тиле и особенно В. Станцелиса)⁴¹. Ливонская война вписывается авторами в контекст европейских войн за господство на Балтийском море. В литовской историографии уделяется внимание новым изданиям источников по Ливонской войне (как пример можно привести труды Д. Антанавичуса, Ю. Каупене⁴² и Г. Лесмайтиса⁴³). Продолжают оставаться популярными биографии персонажей, связанных с историей Ливонской войны: Сигизмунда II Августа, М. Радзивилла⁴⁴. Из интересных монографий последнего времени стоит назвать исследования по военной истории – М. Сирутавичуса о военнопленных в Великом княжестве Литовском в XVI в.⁴⁵ и Г. Лесмайтиса о наёмном войске Литвы в XVI в.⁴⁶, а также статьи по военной истории⁴⁷.

³⁹ Костомаров Н.И. Ливонская война // Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. Т. III. СПб.; М., 1880. С. 45–181.

⁴⁰ Наибольшее внимание уделено событиям Ливонской войны и её роли в становлении украинского казачества в книге: *Леняв'ко С.А.* Українське козацтво у міжнародних відносинах (1561–1591). Чернівці, 1999.

⁴¹ Банионис Э. Дипломатическая служба Великого княжества Литовского в XV–XVI веках. Вильнюс, 1998; Станцелис В. Международное положение на восточном побережье Балтийского моря в середине XVI века // *Mūsų praeitis* (Наше прошлое). Вильнюс, 1997. № 5. С. 19–26; *Stancelis V.* LDK vaidmuo Livonijos krizėje 1552–1561: Svarbiausios istoriografinės problemos // *Lituanistica* (Vilnius). 1998. Nr. 4(36). P. 3–17; *idem.* 1557 m. Pasvalio sutartis // *Žiemgala*. Kaunas. 1999. P. 64–78; *idem.* Tarptautinė padėtis rytinėje Baltijos jūros pakrantėje XVI amžiaus viduryje // *Mūsų praeitis*. Vilnius, 1997. Nr. 5. P. 19–26; *Tyla A.* Lietuvos rytų politikos formavimasis: 1572 rugsėjo 24–27 d. rūdininkų pasitarimas // Lietuvos istorijos metraštis. Vilnius, 1994 (1995). P. 5–21; *idem.* Political, Cultural and Economic Relations between Lithuania and Livonia in the Sixteenth-Seventeenth Century. P. 475–484; *idem.* Lietuvos užsienio politikos kryptys paskutiniajame XVI amžiaus dešimtmetyje // Lietuvos istorijos metraštis. Vilnius, 1997 (1998). P. 76–95; *Baliulis A.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės ir Maskvos valstybės diplomatiniai santykiai XVI a. pabaigoje // *Lituanistica*. 2002. N. 3(51). P. 3–32.

⁴² *Antanavičius D.* Lietuvos bajoro «De. imtmetis Livonijos karas»: Bibliografinės masles ir altinotyryne verte // Lietuvos istorijos metraštis, 2000 metai. 2001. P. 73–81; *idem.* Lietuvos bajoro «De. imtmetis Livonijos karas»: Autorystes problema // *Ibid.* P. 82–92; Valentino Saurmano laiškai imperatoriui Ferdinandui i iš Žygimanto Augusto Vilniaus Dvaro (1561–1562 m.) / Sud. D. Antanavičius, V. Gerulaitienė, J. Kiaupienė. Vilnius, 2009.

⁴³ *Lesmaitis G.* Dokumenty Metryki Litewskiej o zaciężnych Polskich na terenie Wielkiego Księstwa Litewskiego za czasów Zygmunta Augusta // Stan badań nad wielokulturowym dziedzictwem dawnej Rzeczypospolitej. Białystok, 2010. S. 243–251.

⁴⁴ *Jonyas I.* Lietuvos didieji kunigaikšciai / Sud. V. Merkys. Vilnius, 1996; *Ragauskiene R.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kancleris Mikalojus Radvila Rudasis (apie 1515–1584). Vilnius, 2002.

⁴⁵ *Sirutavičius M.* Karo belaisviai Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje XVI a. pirmojoje pusėje. Vilnius, 2002.

⁴⁶ *Lesmaitis G.* LDK samdomoji kariuomenė XV a. pabaigoje – XVI a. antrojoje pusėje. Vilnius, 2010.

⁴⁷ Например: *Tyla A.* Znaczenie polspolitego ruszenia w obronie Wielkiego Księstwa Litewskiego w

Ливонская политика Великого княжества Литовского трактуется в русле доктрины борьбы за выход к Балтийскому морю, от которого оно было отрезано в результате враждебной политики немецких рыцарских орденов. Захват Ливонии являлся логическим завершением политики освобождения земель, некогда аннексированных орденами, которая велась Литвой с XV в., с так называемой Тринадцатилетней войны (1454–1466). В некотором смысле экспансионистская внешняя политика Литвы указывала на её сближение с Европой, поскольку стремление к морю обозначало рост значения торгового фактора в формировании литовской внешней политики⁴⁸. При этом политика Москвы в Прибалтике называется «оккупацией», поскольку Иван IV «не понял» изменения ситуации в регионе после Позвольского мира 1557 г. и без всяких оправданий вторгся в чужие сферы влияния. Литовские захваты ливонских земель обозначаются более нейтрально – с помощью термина «аннексия».

Следует заметить, что современных литовских историков гораздо больше интересует вопрос об отношениях с Польшей, чем с Россией. Последняя выступает на страницах исторических трудов в роли врага, агрессора, о котором не стоит много и говорить. Зато вопрос о культурной и политической эмансипации Литвы от Польши, особенно после Люблинской унии 1569 г., для литовских учёных является болезненным. Хотя авторы и признают, что вмешательство Короны в войну фактически спасло Великое княжество от поражения, они гораздо больше внимания уделяют рассуждениям о непомерных масштабах польских претензий и амбиций и подчеркиванию сохранения самобытности Литвы даже в рамках Люблинской унии.

Что же касается национальных историографий других прибалтийских республик (Латвии и Эстонии, на территории которых разворачивались основные боевые действия), то Ливонская война, несмотря на её очевидную переоценку на уровне эмоций и публицистики, не стала объектом специального, тем более монографического изучения. Внимание учёных больше привлекают либо сюжеты из ранней истории рыцарских орденов, либо из Новой и Новейшей истории. Отдельно стоит отметить исследования археологов, изучающих последствия для ливонских населённых пунктов русского удара (например, З. Апалы об археологических следах осады Вендена в 1570-х гг.)⁴⁹, изучение источников⁵⁰.

XVI–XVII w. // Profesor Henryk Łowmiański. *Życie i dzieło*. Poznań, 1995. P. 124–138; *Baronas D.* Apie LDK karinį potencialą artilerijos požiūriu XVI a. vid. // Lietuvos istorijos metraštis. 1997 metai. 1998. P. 51–57; *Lesmaitis G.* LDK samdomosios kariuomenės dydis ir išlaikymo kaštai Livonijos karo pirmojo etapo metu (1557–1569 m.) // Lietuvos Istorijos Metraštis. 2004. B. 2. S. 27–52.

⁴⁸ *Gudavieius E.* Lietuvos istorija: Nuo seniausio laiko iki 1569 meto. T. 1. Vilnius, 1999 (русский перевод: *Гудаевичус Э.* История Литвы. С древнейших времен до 1569 года. М., 2005); *Kiaupa Z., Kiaupienė J., Kuncevieius A.* Lietuvos istorija iki 1795 meto. Vilnius, 2000 (издание на английском языке: *Kiaupa Z., Kiaupiene J., Kuncevieius A.* The History of Lithuania before 1795. Vilnius, 2000. P. 230–233).

⁴⁹ *Apala Z.* Archäologische Zeugnisse aus der Burg Cesis / Wenden zur Zeit des Livländischen Krieges // Wolter von Plettenberg und des mittelalterliche Livland / Hrsg. von N. Angermann und I. Misans. Lüneburg, 2001. S. 113–128.

⁵⁰ *Linde M.* Timan Brakel und der Livländische Krieg (1558–1582/83) // Die Wahrnehmung und Darstellung von Kriegen im Mittelalter und in der frühen Neuzeit. Wiesbaden, 2000 (Imagines medii aevi. Bd. 6). S. 237–253; *Raid T.* Possevino ja piirikaart aastast 1582 // TUNA. Ajalookultuuri Ajakiri. 2007. T. 10. Nr. 1(34). Lk. 54–64; *idem.* Raffaello Barberini teedekaart aastast 1564 // Ibid. 2008. T. 11. Nr. 2(39). S. 7–20.

В эстонской историографии происходит активная разработка конкретных сюжетов из истории Ливонского ордена⁵¹, истории церквей в Прибалтике, отдельных событий войны (работы А. Селарта⁵², Ю. Криима⁵³, М. Маазинга⁵⁴ и др.). Здесь особенно можно отметить исследования А. Селарта о происхождении юрьевской дани, возникновение которой он относит к Средневековью, к сложным отношениям латышских племён Толовы с древнерусскими землями⁵⁵. Особое внимание уделяется фигуре Магнуса и его королевству⁵⁶. Как видно из этого, впрочем, далеко не исчерпывающего библиографического обзора латышской и эстонской историографии, ей свойственна некоторая дискретность. В ней глубоко изучены конкретные сюжеты и локальные аспекты истории Ливонской войны, но каких-то концептуальных обобщений на монографическом уровне не сделано.

Белорусская историография Ливонской войны представляет собой совершенно особый феномен. Ливонская война заняла в ней гораздо более важное место, чем в прибалтийских национальных проектах. Война оказалась важным звеном белорусского национального дискурса. Она изображается как оккупация белорусских земель (Полоцк в 1563 г.), как трагедия страны, на территории которой шла война. Для этого дискурса характерен комплекс жертвы (изнурённое войной Великое княжество Литовское вынуждено покориться Польше и подписать Люблинскую унию), и тезис о коварном заговоре против Беларуси

⁵¹ *Caune M.* Rigas rate un Polijas, Zviedrijas un Krievijas virsvara (16. gadsimta otra puse-19. gadsimta pirma puse) // Rigas parvalde astoņos gadsimtos. Rīga, 2000. P. 89–133; *Laidre M.* Saja-aastane sõda (1558–1660/61) Eestis ja rahvastiku suurus 16.–18. Sajandil // Akadeemia. Eesti Kirjanike Liidu kuukiri Tartus. 2000. T. 12. S. 931–956; *Adamson A.* Liivimaa mõisamehed Liivi sõja perioodil // Acta historica Tallinnensia. 2006. T. 10. S. 20–47.

⁵² *Селарт А.* Реформация в Ливонии и Ливонская война (1558–1582) // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в.: Сборник научных статей / Отв. ред. А.И. Филюшкин. М., 2010. С. 432–444; *он же.* Иван Грозный, Кайзер Ливонский? К истории возникновения идеи о российском вассальном государстве в Ливонии // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. № 2. С. 180–197; *он же.* Тайна купцов, забота дипломатов: русский язык в средневековой Ливонии // *Лотмановский сборник* 4. М., 2014. С. 48–60; *Selart A.* Das Kloster in Petschur (Petseri) und der livländische Krieg // *Steinbrücke: Estnische historische Zeitschrift*. 1998. Bd. 1. S. 63–73; *idem.* Steinkuhl und Zabolockij. Ein Kommentar zur Chronik Johann Renners // *Estland und Russland: Aspekte der Beziehungen beider Länder*. Hamburg, 2005. S. 9–30; *idem.* Narva ime 1558. aastal. // *Maal, linnas ja linnuses. Uurimusi Narva piirkonna ajaloost*. Narva, 2008. S. 46–63; *idem.* Das Wunder von Narva am 11. Mai 1558. Zur Geschichte der russischen Polemik gegen die Reformation im 16. Jahrhundert // *Forschungen zur baltischen Geschichte*. 2009. Bd. 4. S. 40–57; *idem.* The Orthodox Monastery in Tartu during the Livonian War // *TUNA* 2009. Lk. 46–55.

⁵³ *Kreem J.* Das Schedel-Paradigma? Noch einmal über die Illustrationen in Johan Renners Chronik «Livländische Historien» // *Die Stadt in europäischen Nordosten. Kulturbeziehungen von der Ausbreitung des Lübschen Rechts bis zur Aufklärung*. Helsinki; Lübeck, 2001. S. 183–207; *idem.* Der Deutsche Orden und die Reformation in Livland // *The Military Orders and the Reformation. Choices, State building, and the Weight of Tradition*. Hilversum, 2006. S. 43–57; *idem.* Living on the edge: Pirates and the Livonians in the fifteenth and sixteenth centuries // *The edges of the Medieval World*. Budapest, 2009. P. 70–81; *idem.* Der Deutsche Orden im 16. Jahrhundert. Die Spätzeit einer geistlichen Adelskorporation in Livland // *Leonid Arbusow (1882–1951) und die Erforschung des mittelalterlichen Livland*. Köln, 2014. S. 287–296.

⁵⁴ *Maazung M.* «Русская опасность» в письмах рижского архиепископа Вильгельма // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 1. С. 184–194.

⁵⁵ *Selart A.* Der «Dorpat-er Zins» und die Dorpat-Pleskauer Beziehungen im Mittelalter // *Aus der Geschichte Alt-Livlands. Festschrift für Heinz von zur Mühlen zum 90. Geburtstag*. Münster, 2004. S. 11–37.

⁵⁶ *Zelenkovs A.* Dānijas prinča Magnusa (1540–1583) darbība Livonijā // *Latvijas Kara muzeja gadagrāmata*. Rīga, 2000. Lp. 15–30; *Leimus I.* Hertsog Magnus, tema vōlad ja vōlausaldajad // *TUNA*. 2008. T. 11. Nr. 2(38). Lk. 8–18; *Adamson A.* Liivimaa kuningriik. Tallinn, 2013.

внешних врагов (как тайных – Польши, так и явных – Московии), и восхваление блестящих побед не литовского или польского, а именно белорусского оружия. Переоценка Ливонской войны как войны России и Белоруссии (в лице Великого княжества Литовского) считается главной и прогрессивной историографической новацией, элементом построения национальной идентичности. Об иных событиях войны, кроме трагедии Полоцка и побед белорусского оружия под Улой и Полоцком в 1579 г., в белорусской литературе чаще всего говорится вскользь⁵⁷. Беларусь рассматривается как основной театр военных действий⁵⁸. Показательно, что результаты подобного «переписывания истории» некоторыми учёными предлагались в качестве практических рекомендаций «в сфере стратегического планирования белорусской внешней политики»⁵⁹.

В белорусской историографии существует и альтернативная трактовка русско-литовских войн XVI в. Так, Я.И. Трещенок в учебнике, который рекомендован для студентов вузов, предлагает реанимацию тезисов сталинской историографии о белорусском населении, с радостью встречавшем русские войска, и о Ливонской войне как этапе борьбы за воссоединение русских земель⁶⁰. Таким образом, его подходы представляют собой другой полюс белорусской историографии.

Крупнейшим явлением в новейшей белорусской историографии Ливонской войны является монография А.Н. Янушкевича. Он написана под лозунгом разрушения стереотипов и обновления видения проблемы. О масштабе замысла пересмотра всей архитектоники историографического видения Ливонской войны говорит тот факт, что автор предлагает отказаться от самого термина «Ливонская война», заменив его на полонизированный и более аутентичный источник польского происхождения – «Инфлянцкая вайна»⁶¹. Замена латинско-русского варианта «Ливонская» на польско-белорусский вариант «Инфлянцкая» характерно: историк тем самым сразу обозначает свои историографические предпочтения и ориентиры. Янушкевич трактует войну 1558–1570 гг. как войну за политическую самостоятельность Великого княжества Литовского и даже как изначально оборонительную для этой державы⁶². При этом Янушкевич говорит об энтузиазме шляхты при вторжении в Ливонию, о борьбе Великого княжества Литовского за выход к Балтике, о его экономических интересах в Ливонии. Осознавая, что эти тезисы слабо согласуются с идеей об обороне Беларуси от агрессивного московского соседа, Янушкевич выдвигает несколько странную концепцию: захват Ливонии был необходим для обороны от России⁶³. Наиболее удачными частями монографии, на мой взгляд, являются главы, рассказывающие о влиянии войны на внутреннее положение Великого княжества Литовского, посвящённые изучению способов и методов мобилизации средств для ведения войны. Автор вводит в оборот много нового материала, в том числе архивного, по истории вооружённых сил, системе сбора и обеспечения войска.

⁵⁷ Гістарычны шлях Беларускай нацыі і дзяржавы. Мінск, 2001. С. 20.

⁵⁸ Гісторыя Беларусі. Ч. 1: Са старажытных часоў да канца XVIII ст. Мінск, 2000. С. 332; Ермаловіч М. Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае. Мінск, 2000. С. 314.

⁵⁹ Бобышев В.И. Международные отношения в Восточной Европе в 30–80-е гг. XVI в. Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Минск, 2001. С. 1–2.

⁶⁰ Трещенок Я.И. История Беларуси. Ч. 1: Досоветский период. Могилёв, 2004. С. 107–108.

⁶¹ Янушкевіч А.М. Указ. соч. С. 6–7.

⁶² Там же. С. 5, 22.

⁶³ Там же. С. 22, 37–38.

В последние годы немало интересных работ, посвящённых различным сюжетам Ливонской войны, вышли в Польше, что тоже можно отнести к развитию национальной историографии в постсоветский период. Это труды Г. Виснера⁶⁴, Д. Купиша⁶⁵, И. Грали⁶⁶ и других авторов⁶⁷. Правда, надо сказать, что концептуальной новизны польская историография последних лет не привнесла. В ней реанимированы теоретические положения более ранней польской историографии, изображающие Польшу «щитом Европы» от «московских варваров» и триумфатором в Ливонской войне. При этом нельзя отрицать значительных достижений польских учёных по уточнению отдельных сюжетов в истории конфликта.

Наконец, несколько слов надо сказать о российской науке последних 20 лет, которую тоже следует относить к постсоветской историографии. В ней можно выявить как минимум две тенденции. Первая сближается с классической национальной «историей героев». В последние годы явно вырос интерес к полководцам Ливонской войны, русскому воеводскому корпусу (исследования Д.М. Володихина, В.В. Пенского, А.Л. Корзинина)⁶⁸. В книге Б.Н. Флори характер войны анализируется в контексте отношения общества к войне, процесса становления в XVI в. русского служилого сословия и государственной служилой системы. В этом – научная новизна и серьёзный вклад Б.Н. Флори в изучение проблемы, новое освещение разных сторон политики Русского государства в XVI в.⁶⁹

Вторая тенденция историографии последних лет – либеральный дискурс в изображении Ливонской войны как войны агрессивной, бездарной, позорной, ненужной России, «чёрной странице» её истории. По некоторым параметрам он даже более критичен, чем польская или белорусская историографии. Сюда можно отнести монографию А.Л. Хорошкевич⁷⁰ и научно-популярную книгу А.А. Шапрана⁷¹. А.Л. Хорошкевич вводит в оборот много иностранных источ-

⁶⁴ Wisner H. Król i car. Rzeczpospolita i Moskwa w XVI i XVII wieku. Warszawa, 1995.

⁶⁵ Kupisz D. Połock 1579. Warszawa, 2003; *idem*. Psków 1581–1582. Warszawa, 2003; *idem*. The Polish-Lithuanian Army in the Reign of King Stefan Batory (1576–1586) // Warfare in Eastern Europe 1500–1800. Leiden; Boston, 2012. P. 63–92.

⁶⁶ Граля И. Иван Михайлов Висковатый. М., 1994; Grala H. «Pieczat’ połockkaja» Iwana IV Groźnego. Treści imperialne w moskiewskiej sfragistycie państwowej // Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. 1997. Т. III (XIV). S. 124–130; Граля Х. «In der Tyrannen Hand»: Русская колонизация Ливонии во второй половине XVI в. Планы и результаты // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2014. № 2. С. 175–193.

⁶⁷ Wijaczka J. Prusy książęce a Polska, Litwa i Inflanty w połowie XVI w. Działalność dyplomatyczna Arsenusa von Brandta w 1544–1558. Kielce, 1992; Sucheni-Grabowska A. Starania Iwana Groźnego o rękę Katarzyny Jagiellonki a konflikt z Rosją o Inflanty (1560–1561) // Homines et Societas: Czasy Piastów i Jagiellonów. Poznań, 1997. S. 13–226; Alexandrowicz S. Źródła kartograficzne do wyprawy połockiej Stefana Batorego roku 1579 // Od armii komputerowej do narodowej; *idem*. Dzieje militarne Polski i jej wschodnich sąsiadów od XVI do XX wieku. Toruń, 2005. S. 17–43.

⁶⁸ Володихин Д.М. Воеводы Ивана Грозного. Великие немые русской истории. М., 2009; Пенской В.В. Героическая оборона Полоцка в августе 1579 г. // Военно-исторический журнал. 2013. № 6. С. 65–72; *он же*. Мужики наипейчайшие и наикрепчайшие в полкоустроениях зело искусные (центурионы Ивана Грозного). Белгород, 2013; Корзинин А.Л. Порядок иерархии полковых воевод в Ливонскую войну // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в. М., 2010. С. 153–160; Боровиков С.В. Дмитрий Хворостинин и его роль в военных действиях в Прибалтике и на Северо-Западе России во второй половине XVI века // Научный аспект. 2012. № 3. С. 24–28.

⁶⁹ Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 1999.

⁷⁰ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.

⁷¹ Шапран А.А. Ливонская война 1558–1583 гг. Екатеринбург, 2009.

ников, предлагает несколько новых гипотез о причинах выбора российской внешней политикой своего курса. История Ливонской войны (до 1570 г.) ею написана как критика и разоблачение режима Ивана Грозного, тиранической сущности Московского государства, и всё повествование посвящено обоснованию этих негативных оценок.

В любом случае, при всех идеологических «перегибах» национальных историографий, они, несомненно, играют позитивную роль в том плане, что делают невозможной какую-то одну оптику взгляда на Ливонскую войну. Теперь нельзя писать её историю с польскоцентричных или россияцентричных позиций, как «историю героев» или «историю злодеяний Ивана Грозного». Как ни парадоксально, именно благодаря развитию национальных историографий сегодня мы можем подняться над ними и сделать шаг к написанию наднациональной, т.е. максимально приближённой к объективности истории Ливонской войны.

Подводя итоги этому историографическому обзору, необходимо дать ответ на вопрос, вынесенный в заголовок статьи, – как же сегодня надо изучать Ливонскую войну? Замечу, что она в основном изучалась как история международных отношений и социально-политических, экономических процессов в Прибалтике. Ливонская война – всё-таки в первую очередь именно война, и на первом плане должен быть военный аспект. Собственно военные действия исследованы крайне недостаточно, чаще они просто перечисляются, а не анализируются.

Исследователи пока только приступают к изучению военного потенциала участников конфликта, количества вооружённых сил. Долгое время учёные доверяли нарративу, отчего даже в очень авторитетных работах появлялись совершенно невозможные цифры о 300-тысячной армии Ивана Грозного под Полоцком в 1563 г. и т.д. Между тем замечу, что 300-тысячная армия в XVI в. – это как минимум полмиллиона лошадей. Чем питались бы эти лошади в феврале 1563 г. под Полоцком, историки не объясняют. Последнее время в историографии появляются более взвешенные и основанные на достоверных источниках оценки размеров русских вооружённых сил в XVI в., А.Н. Лобиним предложена адекватная методика подсчёта их количества⁷².

Но и здесь остаётся ещё много вопросов. Само по себе установленное количество войск говорит далеко не обо всём – следует учитывать их распределение по гарнизонам, полевым и походным частям, по территории страны, сравнить части постоянной готовности с мобилизационным потенциалом. Какими армиями стороны располагали для решения оперативных, тактических и стратегических задач? Сколько войск стояло на границах, а сколько в пунктах дислокации с последующим выдвижением навстречу врагу в случае военной опасности? Применительно к Ливонской войне получить ответы на данные вопросы непросто в силу состояния источников, но некоторыми данными можно оперировать. Однако исследований такого рода практически не проводилось.

⁷² Лобин А.Н. К вопросу о численности вооружённых сил Российского государства в XVI в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1/2(5/6). С. 45–78; Кром М.М. Ещё раз о численности русского войска в XVI в. (по поводу статьи А.Н. Лобина) // Там же. С. 79–89; Пенской В.В. Некоторые соображения по поводу статьи А.Н. Лобина «К вопросу о численности вооружённых сил Российского государства XVI в.» // Там же. С. 90–103; Курбатов О.Н. Отклик на статью А.Н. Лобина // Там же. С. 104–119; «...И бе их столько, еже несть числа: сколько воинов воевало в Русской армии в XVI в.?» : Форум // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1/2(5/6). С. 120–150.

Несколько лучше изучена структура войск – участников конфликта, их состав, развитие родов войск, вооружение, особенности боевого применения различных видов вооружённых сил⁷³, участие этнических воинских формирований в боевых действиях⁷⁴.

Отдельной темой исследований должен стать вопрос: что привнесла Ливонская война в военное искусство второй половины XVI в.? Он должен рассматриваться в контексте «военной революции», в XVI–XVII вв. происходившей в Европе. Также необходимо ставить вопрос о результатах войны. Каковы были чисто военные результаты (трофеи, приобретения, воинские потери)? Что на самом деле произошло с территориями, вовлечёнными в войну, какова была степень их разорения? Как менялась военно-стратегическая, военно-тактическая ситуация? Каковы культурные и ментальные результаты войны?

Без ответа на эти (и другие) вопросы история Ливонской войны будет неполной, и можно констатировать, что её военная история ещё не написана. Поиск ответов на них является первоочередной исследовательской задачей любого историка, который обращается к данной теме. На мой взгляд, написание истории Ливонской войны с использованием методологии *military history* сегодня является наиболее перспективным и прогрессивным направлением изучения данного конфликта.

⁷³ *Viljanti A. Gustav Vasas Ryska Krig 1554–1557. Bd. 1, 2. Stockholm, 1957. Kotarski H. Wojsko polsko-litewskie podczas wojny inflanckiej 1576–1582. Sprawy organizacyjne. Cz. 1–3 // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. T. 16–17. Warszawa, 1970–1972; Tyla A. Znaczenie pospolitego ruszenia w obronie Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI–XVII w. // Profesor Henryk Łowmianski: Życie i dzieło. Poznań, 1995. P. 124–138; Волков В.А. Войны и войска Московского государства. М., 2004; Filjushkin A. Ivan the Terrible...; Lesmaitis G. LDK samdomoži kariuomenė XV a. pabaigoje – XVI a. antrojoje pusėje. Vilnius, 2010; Володихин Д.М. Высший командный состав русской полевой армии при Иване IV // История военного дела: исследования и источники. 2013. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: Материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны (URL: <http://www.milhist.info/spec> 1; дата обращения: 30 апреля 2014 г.). С. 1–41; Пенской В.В. «Центурионы» Ивана Грозного (средний командный состав русского войска 2-й половины XVI в.: к постановке проблемы) // Там же. С. 42–68; Скобелкин О.В. Служилые «немцы» в русском войске второй половины XVI в. // Там же. С. 69–103; Лобин А.Н. Русская артиллерия в царствование Ивана Грозного // Там же. С. 104–158; Беляков А.В. «Невидимки» русской армии XVI века // Там же. С. 159–178; Моисеев М.В. Некоторые замечания по истории русско-ногайского военного сотрудничества // Там же. С. 179–187; Глазьев В.Н. Стрельцы и их начальники в XVI в. // Там же. С. 188–202; Молочников А.М. Даточные люди черносошных земель в войске Ивана Грозного: лыжная и судовая рать // Там же. С. 203–226; Курбатов О.А. «Копейный бой» русской поместной конницы в эпоху Ливонской войны и Смутного времени // Там же. С. 227–235; он же. «Конность, людность и оружность» русской конницы в эпоху Ливонской войны 1558–1583 гг. // Там же. С. 236–295; Смирнов Н.В. Боевые слуги в составе русской поместной конницы в период Ливонской войны // Там же. С. 296–338.*

⁷⁴ Беляков А.В. Участие мещёрских татар в Ливонской войне // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в. М., 2010. С. 227–238; Ноздрин О.Я. Шотландский фактор Ливонской войны // Балтийский вопрос... С. 221–226; Кармов Т.М. На службе «белому царю»: участие кабардинцев в Ливонской войне // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12–2. С. 93–96.